О.О. Санникова,
аспирантка социологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Двадцатый век поставил под вопрос теорию общества эпохи модерна[1]. Понятие общества было центральным в классической социологии, фиксировавшим концепт целостности исследуемого объекта. Зачастую оно отождествлялось с национальным государством, а также с понятием культуры, редуцированным к интегративной функции. Эпистемологически эта целостность обосновывалась идеей истины, укорененной в бытии.

Мир второй половины XX в. оказался свидетелем перехода общества от индустриального типа к постиндустриальному и сопутствовавшего ему процесса «переформатирования» социального мира и его структур. Наблюдая проявившиеся тенденции общественного развития, теоретики нового направления, получившего имя «постмодернизм», заявили о необходимости новых, альтернативных подходов к теории общества.

Как отмечает З. Бауман, прежняя социальная реальность эпохи модерна выступала в качестве объекта администрирования: «Это был мир, обозреваемый с высоты стола генерального директора… мир, в котором ставились и реализовывались цели, а общую цель расщепляли на подпроблемы; мир, в котором сегодняшнее состояние оценивалось по тому, приближается оно или отдаляется от запланированного на завтра, и в котором главным условием достижения целей была сплоченность рядов исполнителей»[2]. Принципами, на которых покоилось такое администрирование, были целостность моделируемого мира, его когерентность (социум и культура мыслились целостными и пронизанными многочисленными взаимными связями, действующими как слаженный механизм), кумулятивность и направленность времени (реализованная в идее прогресса).

Сегодня основания модернистского мира претерпевают изменения по всем направлениям. «Вместо нормативного регулирования

[1] См.: *Судас Л.Г.* Постмодернистская альтернатива в социологии. М., 2004. С. 15.
[2] *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4. С. 70.

поведения обывателя – соблазнение потребителя; вместо насаждения идеоологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро»[1]. В результате «общественное доверие к иерархическим институтам убывает, сходя на нет на всем пространстве передового индустриального общества»[2].

К этому времени относится и духовное банкротство проекта модернити, особенно ярко проявившееся в европейской культуре после Первой мировой войны. Его причина в том, считает Бауман, что задача модерна была изначально невыполнимой: «Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал… В лучшем случае мы можем говорить об островках порядка (непостоянных и хрупких), разбросанных в огромном море хаоса (незапланированного и неоформленного потока событий)»[3]. Достижение материальных целей и усталость от принесенных и неоправданных жертв привели к тому, что «на каком-то этапе количество перешло в качество, …критика результатов перешла в критику намерений»[4].

Общество эпохи постмодерна характеризуется прежде всего бурным развитием науки и техники, в значительной степени разрешившим проблему насущного жизнеобеспечения для большей части населения планеты. Примером является развитие робототехники. Эксперты Международной федерации робототехники отмечают, что больше всего роботов ныне используется в промышленности – 770 тыс. Половина из них работает в Японии. В Европе используется 233 тыс., в Северной Америке – 104 тыс. Как правило, это промышленные роботы, которые используются главным образом на сборочных конвейерах. Также электронные помощники заняты при уборке мусора или погрузке. Широкое внедрение в производство робототехники способствует пересмотру форм и методов хозяйствования.

Научно-технические достижения постиндустриализма ознаменовались экономическим и производственным ростом. В США производительность труда выросла за последние двадцать лет на 25%, в Германии – на 100%[5]. По оценкам Мирового банка, 24 развивающиеся страны, включая Индию, Китай, Мексику, внутренняя экономическая политика которых была ориентирована на глобальные рынки, увеличили темпы экономического роста за последние 10 лет с 1 до 5%.

---

[1] *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4. С. 75.

[2] *Инглехарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 13.

[3] *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. С. 193, 190.

[4] *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4. С. 78 – 79.

[5] См.: *Бек У.* Безработный капитализм // Der Spiegel. 1996. № 20. S. 142.

Для передовых индустриальных стран это означало переход к обществу потребления (появление стран «золотого миллиарда»), для стран «третьего мира» – серьезные успехи в борьбе с бедностью. Всемирный банк в докладе об индикаторах развития за 2005 г. указывает, что доля населения Земли, живущего в нищете (менее чем на 1 долл. в день), сократилась с 1981 по 2001 г. с 40,4% до 21,1%[1].

Однако материальные достижения человечества имеют и обратную сторону. Обеспечение базовых (и сверх того, если речь идет о «золотом миллиарде») для выживания потребностей рождает новую проблему –«лишних» людей в условиях нового миропорядка. Иными словами, НТР обостряет проблему занятости.

Так, в США суммарное число уволенных корпорацией «Дженерал моторс» за 1978–1993 гг. составило 250 тыс. человек, «Юнайтед Стейтс стил» за 1980–1990 гг. – 100 тыс., АТТ за 1981–1988 гг. – 180 тыс. Относительно краткий период благополучия на рынке труда в конце 1990-х гг. вновь сменился тревожными тенденциями – в результате сокращения спроса на американские товары, например, обрабатывающая промышленность потеряла более 170 тыс. рабочих мест[2]. Крупнейшие международные корпорации и банки («Ай-Би-Эм», «Ай-Ти-Ти», «Чейз-Манхэттен бэнк», «Ксерокс», «Сирс» и др.) в 1990–1995 гг. уволили 280 тысяч рабочих и служащих. В результате слияния в 1996 г. «Чейз-Манхэттен бэнк» и «Кэмикэл бэнк» было объявлено о предстоящем увольнении 10% персонала, в основном среднего управляющего звена. Последняя реорганизация «Ай-Ти-Ти» в том же году (разделение на три самостоятельные компании) привела к необходимости сокращения более 70 тыс. работников. В 1983–1996 гг. число занятых в «Ай-Ти-Ти» и компаниях-наследниках сократилось в три с лишним раза[3].

Другим последствием НТР стало снижение стоимости рабочей силы. Американский экономист С. Роч замечает, что, несмотря на резкий рост предпринимательских доходов (доход на вложенный корпоративный капитал в конце 1990-гг. – самый высокий с 1929 г.), реальная заработная плата фактически стагнировала в течение почти 15 лет[4]. Начиная с 1973 г. средняя почасовая ставка оплаты труда (с учетом инфляции) сокращалась, и лишь в 1996 г. наметился перелом. Средний семейный доход также сокращался в 1989–1994 гг. (уровень 1989 г. был восстановлен в 1997 г., но не вследствие рос-

---

[1] См.: http://innov.spbu.ru/shownews.php?id=30130.

[2] См.: *Никольская Г.* Влияние глобализации экономических сил на состояние рынка труда в США // Управление персоналом. 2000. № 9.

[3] Financial Times. 1997. July 3. P. 12.

[4] Ibidem.

та заработной платы, а в результате увеличения отработанных средней семьей человеко-часов)[1].

К следующей особенности относится засилье многочисленных лимитов (экологических, социальных, политических). Потребности отдельных стран в ресурсах значительны при том, что сами они полезные ископаемые не добывают. Развитые страны Северо-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань), не добывая нефти, потребляют 11% ее мирового производства. США пользуются «чужими» ресурсами, сохраняя «свои». Доля США в общемировом потреблении нефти составляет 25,4%, тогда как их удельный вес в мировой добыче – всего 9,9 %[2]. Осознание конечности природных ресурсов легло в основу становления идеологии постмодернизма с его ориентацией на индивидуальное выживание, элитарную исключительность и процветание «золотого миллиарда». По данным Международной организации труда, в 2001 г. только около половины мирового населения имело доступ к электрической энергии. В середине 1990-х гг., по данным Программы развития ООН, потребление энергии на душу населения в 49 наименее развитых странах составляло 74 кВтч в год[3]. Развитие атомной энергетики искусственно сдерживается, в том числе тем, что мировое сообщество строго ограничивает число стран, имеющих ядерный статус. Этот состав поддерживается с помощью международных институтов на основании норм международного права.

Существенной чертой эпохи постмодерна стала глобализация. Форсированно формируется новый международный порядок, структурно базирующийся на высоком уровне обобществления мирового хозяйства. Возникает множество ТНК (транснациональных корпораций), играющих в экономической жизни человечества все большую роль. Международная торговля сырьем почти полностью переходит под контроль ТНК. Они держат под контролем 90% мировой торговли пшеницей, кофе, кукурузой, табаком, джутом и железной рудой; 85% – медью и бокситами; 80% – чаем и оловом, 75% бананами, натуральным каучуком и сырой нефтью[4]. На сегодняшний день ТНК и мультинациональные корпорации (МНК) контролируют 70% мировой торговли и 30% мирового производства.

---

[1] См.: *Никольская Г.* Влияние глобализации экономических сил на состояние рынка труда в США // Управление персоналом. 2000. № 9.

[2] См.: *Симония Н.* Энергобезопасность Запада и роль России // Россия в глобальной политике. 2004. № 2. С. 77.

[3] Практически этого хватит на освещение комнаты площадью 15 кв.м. в течение 4 часов в сутки на протяжении полугода.

[4] См.: *Пивоварова М.А.* Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности: вопросы методологии, теории и современной российской практики. М., 2000. С. 18

Данный процесс одновременно сопровождается резким ростом социального расслоения. По данным Всемирного Банка, за последние 40 лет разрыв в показателях ВВП на душу населения в двадцати наиболее богатых странах по сравнению с двадцатью беднейшими странами возрос с 18 до 27 раз. Около 2 млрд человек проживает в странах, которые пока не смогли эффективно интегрироваться в мировую экономику (в том числе ряд государств бывшего СССР). Лишь 10–15 развивающихся стран смогли увеличить свою долю в мировой торговле промышленной продукцией. Здесь в числе причин важную роль играет то обстоятельство, что на экономику отдельного государства влияют решения международных организаций. Например, жесткая дискриминация российских производителей на мировом рынке основана на отсутствии у России членства в ВТО. Ущерб российской экономики при этом, по оценкам, достигает более 1 млрд долл. ежегодно.

Интеграция в новый мировой порядок происходит путем насильственно-форсированного насаждения «западной» модели развития. Повсеместно происходит расщепление национального комплекса и расслоение общества, которое наблюдается не только на глобальном планетарном уровне, но и внутри социума развитых стран. Так, быстрый рост экономики в Китае (приток прямых иностранных инвестиций за 1990–1999 гг. достиг 13% валовых вложений в основные фонды)[1], вступление этой страны в ВТО способствовали ускорению разрыва доходов разных статусных групп. Доходы 10% наиболее защищенных жителей Пекина в 10 раз больше, чем менее состоятельных, а в государственном масштабе разница стократна[2].

Д.К. Гэлбрейт указывает на то, что в США, «которые в настоящее время представляют собой наиболее яркий пример среди промышленно развитых стран», 40% национального достояния страны в 1989 г. принадлежало богатейшим семьям, которые составляли 1% населения; совокупная доля 20% самых богатых американцев составляла 80%. На 20% наименее обеспеченных граждан США приходилось лишь 5,7% совокупного дохода после уплаты налогов; доля 20% наиболее обеспеченных составляла 55%. К 1992 г. в распоряжении верхних 5% населения находилось… 18% совокупного дохода, и в последние годы эта доля значительно возросла на фоне сокращения доли наименее обеспеченных американцев»[3].

---

[1] Global Economic Prospects 2003. Wash., 2002. P. 12.

[2] Цит по: *Бергер Я., Михеев Я.* Китай: социальные вызовы развитию // Общество и экономика. 2005. № 1. С. 111.

[3] *Гэлбрейт Д.К.* Справедливое общество. Гуманистический взгляд // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 78.

Достижения НТР проявляются не только в сфере экономического роста, но и в создании информационных технологий, которые существенно формируют специфику новой цивилизации. Глобализация способствует преодолению исторически складывавшихся границ между странами и культурами. Технологизация производства и массовизация потребления стирают различия между интеллектуальным и физическим трудом, между традиционными социальными группами и стратами. Как следствие, существенной чертой эпохи постмодерна стала утрата структурности и иерархичности мира, определенности границ и маркеров, которую можно проследить во многих сферах и характеристиках общества. Например, если в эпоху модерна экономика признавалась базовой сферой общества, то теперь она утрачивает свой статус доминирующей и определяющей подсистемы общества, задающей условия и правила функционирования всем другим его подсистемам. Ее место занимают другие подсистемы, столь же значимые в новом обществе, – телекоммуникация и система образования.

Телекоммуникационная система теперь определяет коммуникационные и информационные возможности всего общества. Ряд исследований производительности труда в США во второй половине 1990-х гг. выявил ключевую роль сектора информационных технологий: на каждый процентный пункт роста производительности труда в США доля сектора информационных технологий составляла от 0,5 до 0,75 процентных пункта[1].

В результате меняются сложившиеся структуры, складываются новые пропорции между различными отраслями деятельности. Динамика развития рынка информационных технологий (8% в год) заметно опережает традиционные отрасли (1–3 %)[2]. Мировой рынок информационных технологий по своему объему почти в полтора раза превышает рынок нефтедобычи (по состоянию на 2003 г. – 915 млрд долл. против 675 млрд долл.). Создание и поддержка государством технопарков позволяет обеспечить рост IT-индустрии, который достигает 20% в год[3].

В новых условиях меняется структура инвестиций. Они все больше переориентируются с производства аппаратного обеспечения на производство программных продуктов, доля которых в совокупных

---

[1] World Economic Outlook. International Monetary Fund. 2000. September. P. 74–76.

[2] *Макаревич Л.* Итоги 2004 года заставляют Правительство РФ усилить государственное регулирование экономики // Общество и экономика. 2005. № 1. С. 18.

[3] См. там же. С. 19.

расходах повысилась с 32,5 % в 1996 г. до 40 % в 1999 г.[1] В начале 2005 г. на продукты информатики приходилось 6,6% стоимости мирового ВВП. По состоянию на конец 2004 г. в структуре мирового экспорта продукция с высокой степенью обработки составила 40% (при этом удельный вес российской электроники составил 0,04 %, технического оборудования – 0,3 %)[2].

Меняется структура занятости. В XX в. доля американцев, чей труд был связан главным образом с материальными предметами и оказанием непрофессиональных услуг, сократилась более чем в два раза – с 83% в 1900 г. до примерно 41% конце XX в. Доля же тех, кто работает с информацией (в торговле, на управленческих и административных должностях, в свободных профессиях, промышленности, учреждениях), увеличилась с 17% в 1900 г. до 59% в начале XXI в.[3]. В 1970-е гг. в США большинство промышленных рабочих (57%) были станочниками, сборщиками и чернорабочими; остальные имели более высокую квалификацию и были заняты на специализированных работах. В 1990-е гг. соотношение стало обратным: 55% заняты в точном производстве, а 45% являются станочниками и чернорабочими.

Возросла и доля работников умственного труда. В интеллектуальных компаниях, где доля работников умственного труда доходит до 40% и более, занято 28% всех работающих в США, однако в первую половину 1990-х гг. на них приходилось 43% созданных рабочих мест[4]. Цифра впечатляет, учитывая, что для компенсации растущей безработицы в первой половине 1990-х гг. в США было создано 12 млн новых рабочих мест[5].

Вследствие таких кардинальных перемен привычные социальные координаты рушатся, «расшатывается и без того неустойчивая прежняя стабильность капиталистического общества: дальнейшие перспективы становятся менее понятными и предсказуемыми»[6]. Принцип плюрализма становится фундаментальным для осмысления общества постмодерна, непосредственно из него вытекают такие производные характеристики как фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность. Указанные характеристики применимы и к существующей экономической системе.

---

[1] См.: *Панюшкин М.А.* Мексика на рынке ИТ: ставка на первенство // Латинская Америка. 2005. № 1. С.30.

[2] См.: *Макаревич Л.* Указ. соч. С. 7.

[3] См.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 381.

[4] См. там же. С. 382.

[5] *Rodrik D.* Has Globslisation Gone too Far? Institut for International Economics. 1997.

[6] *Коллонтай В.М.* Об экономическом и неэкономическом постмодернизме // Пост-модерновый мир и Россия. М.; Волгоград, 2004. С. 17–19.

Сегодня экономическая нестабильность – норма функционирования экономической системы. Усиление неустойчивости валютно-финансовой основы глобализирующейся экономики, произошедшее в последние два-три десятилетия, активизация краткосрочных, преимущественно спекулятивных вложений в ущерб долгосрочным инвестициям во многом обусловили снижение среднегодовых темпов прироста мирового ВВП: с 4,5% в 1950–1980 гг. до 3,0% в 1980–2001 гг. В том числе в странах Запада – с 4,0 до 2,6% и в Японии – с 7,9 до 2,5% (и ниже); в Латинской Америке – с 5,2 до 2,2% и Тропической Африке – с 4,3 до 1,8%; в России – с 4,1 до 0,3% и арабских странах – с 6,3 до 2,2% (в других мусульманских странах замедление было меньше – с 4,7 до 4,1%). В то же время «компенсирующую» функцию приняли на себя новые индустриальные страны, в которых в отмеченные периоды темпы прироста ВВП держались на рекордно высоком уровне – 7–8% в год. Кроме того, Индия и КНР, встав на путь дозированных и достаточно продуманных либеральных реформ, сумели, несмотря на множество проблем, ускорить темпы прироста ВВП, соответственно, с 3,4 до 5,8% и с 4,6 до 7,3%[1].

В эпоху постмодерна симптоматичным становится вопрос о «симуляции» реальности. Все большую долю в общественном производстве занимают виртуальные сферы деятельности и продукты. Например, претерпевает серьезные изменения характер выпускаемого товара, точнее, его восприятие покупателем. Важную роль здесь приобретает не реальное качество продукции, а ее искусственно созданный образ, напрямую зависимый от имиджа компании. Практическое формирование этой новой тенденции зафиксировал японский исследователь Омае, охарактеризовавший этот процесс как главный парадигмальный сдвиг последнего десятилетия. Наблюдая, как в Японии маркированные сельхозпродукты продаются по ценам, в несколько раз превышающим цены на того же рода и качества продукты без марки, т. е. без образа, К. Омае пришел к выводу, что добавленная стоимость создается умелыми и четко направленными усилиями по созданию марки, и что эта добавленная стоимость того же рода, что и стоимость, добавляемая такими модными домами, как Ив Сен Лоран или Живанши к, скажем, галстукам, которые сделаны из того же материала и с тем же качеством, что и другие галстуки, но стоят в 5–6 раз дороже. При этом оттеснение на второй план вопроса качества продукции имеет экономическую целесообразность: в условиях интенсификации потребления и нарастания продаж каче-

[1] См.: *Мельянцев В.* Экономика полумесяца. Арабо-мусульманский мир на рубеже тысячелетий: противоречивые тенденции экономического и социального развития// Вестник Европы. 2004. № 12.

ство предмета перестает быть необходимой потребительской характеристикой. В США 80% всей продукции выбрасывается после одноразового использования, а 99% сырья, используемого при производстве материальных благ или же содержащегося в них, оказывается на свалке не позднее чем через шесть недель после продажи соответствующих товаров. По словам У. Эко, «технологическое общество приближается к тому, чтобы стать обществом пришедших в негодность и ненужных предметов…»[1].

Виртуализацию экономики демонстрирует ситуация на биржах, где рекордно высокие котировки акций в большей степени обеспечиваются агрессивной рекламой торговых марок, нежели собственно производственными и коммерческими усилиями компаний. Таким образом, на бирже теперь обращаются даже не ожидания (как предполагал Кейнс), а имиджи. Современная фондовая лихорадка – общая тенденция современной экономики.

Рост фондового рынка за последние 15 лет демонстрирует табл. 1:

Таблица 1

Объем фондового рынка, % от ВВП*				
Год	США	Великобритания	Германия	Япония
1985	50	70	25	60
1995	85	120	25	80
2000*	185	195	70	100

* Составлено по: The Economist. 1996. September, 14-20; 2000. May 27 – June.

Возникают новые формы организации производства. Показательно появление такой организационной формы, как «виртуальная корпорация» (далее – ВК) – временный альянс независимых компаний или даже индивидуальных агентов для решения стратегической, но единичной задачи. Альянс, по мысли адептов концепции ВК, должен существовать как коммуникационная сеть на базе компьютерных технологий, посредством которой компании координируют свои усилия. ВК лишена вертикальной интеграции, центрального офиса, иерархии и прочих атрибутов «реальной» корпорации. После решения поставленной задачи сеть легко может изменить конфигурацию или распасться. Традиционная компания стремится к контролю собственности и непосредственному управлению ресурсами на всех этапах создания продукта. Создание же ВК требует отречения

[1] *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 263.

от этого «идола», к чему, собственно, и призывают поборники ВК капитанов индустрии.

Яркий пример такого рода рыночной стратегии – успехи разработчиков программных продуктов Linux. Операционная система Linux разработана и постоянно совершенствуется неформальным сообществом программистов-добровольцев, предоставляющих продукт своих усилий через Интернет как программное обеспечение для пользователей и как сырье для других программистов, желающих включиться в «семью» Linux. Программисты мотивируются не деньгами, поскольку Linux предоставляется бесплатно, а репутацией.

Создание имиджа компании тоже превращается в отдельную сферу производственной деятельности. Основными каналами имиджеобразующей информации являются СМИ, печать, реклама, презентации, выставки, семинары, научные собрания, спонсорские мероприятия, Интернет и т. д.[1] О повышении значения этого фактора свидетельствует, например, доля затрат на рекламу в бюджете товаропроизводителей. Так, в 1990-е гг. расходы на рекламу в Японии, США, Германии, Великобритании росли на 2,5–3% в год, тогда как ВВП – на 1,5–2%[2].

Под влиянием нового технологического уклада происходят глубокие структурные преобразования в экономике, главной чертой которых является сокращение в результате роста производительности труда доли материального производства в ВВП и стремительный рост доли нематериальных форм богатства – научно-исследовательских, образовательных, культурных, информационных, коммуникационных, деловых и социальных услуг. Согласно отчету о перспективах индустрии аутсорсинга, который был подготовлен компанией Nasscom совместно с международной консалтинговой компанией McKinsey and Company, к 2010 г. совокупная величина мирового рынка аутсорсинга деловых услуг составит 110 млрд долл.[3]. В России также наблюдается рост доли производства услуг. По данным Госкомстата, в процентном отношении доля производства услуг составляла в 1989 г. – 32,4% ;в 1990 г. – 34,9 % ; в 1991 г. – 37,2 % ;в 1992 г. – 51,6 % ; в 1996 г. – 53,7%[4].

Основным ресурсом общества становятся знания. Примером в данном случае может быть отношение к образованию в России. Несмотря на тяготы переходного периода, темп роста вузов в стране с

---

[1] См.: *Беляева Е.Ю.* Формирование деловой репутации компаний в России // Пост-модерновый мир и Россия. 2004. С. 488.

[2] См.: *Власенко О.* Машина желаний // http://www.rwr.ru/?rubr11=18150&c=24070&day=2143&r=rubr11.

[3] http:www.worldeconomy.ru/ Index. php?Mode=Article&ID=3099.

[4] См.: Национальные счета России в 1989-1996 годах: Статистический сборник. М., 1998.

1970 по 1998 г. составил 126,91%, а динамика количества обучающихся в них – 125,26%[1]. Характерно изменение приема студентов в вузы за последние годы. Вузы, связанные с физическим трудом, при общих положительных показателях роста практически не расширяются. В 1970–1998 гг. темпы роста приема составили в вузах сельского хозяйства 145%, транспорта и связи 130%, промышленности и строительства 129%, здравоохранения, физической культуры и спорта 103%. Вузы, имеющие отношение к информации, выросли почти вдвое: вузы экономики и права – 188%, просвещения – 209%, искусства и кинематографии – 200%[2]. Спрос на услуги средних специальных учебных заведений и профессиональных училищ постоянно снижается[3]. При этом на рынке знаний происходит все более активное стирание географических границ. Предприятия могут нанимать работников умственного труда в любой точке земного шара, соответственно, последние также могут предлагать свои услуги, находясь в любой стране. Например, все большее количество европейских фирм обращается за услугами программистов в Индию и Россию. Это происходит из-за выгодного соотношения стоимости труда и качества услуг, а также из-за неспособности ряда стран готовить программистов такого же уровня.

Реальностью становится дистанционная организация труда с помощью цифровых сетей. Так, в 1990-е гг. житель США образовал фирму JFAX, наняв с помощью Интернета программистов из Австралии. Этот случай не единичен. Численность работников, связанных со своим рабочим местом главным образом телекоммуникационными путями, возросла с 3 млн в 1990 г. до 10 млн в 1995 г. и 26,8 млн в 2000 г.[4]

Вместе с тем знание в эпоху постмодерна испытывает те же трансформации, что и вся социальная реальность. Его виртуализация и симуляция развиваются ускоренными темпами. «Наука сейчас – это не предприятие по поиску истины, а род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса»[5]. Мы живем в эпоху науки образов и образов науки. Следование базовым нормам, направ-

---

[1] См.: *Молчанов И.Н.* Динамика современного высшего образования. Ростов н/Д, 1999. С. 58–59; *Харченко И.И.* Образование как фактор стабильности российского общества в условиях переходного периода // Некоторые аспекты социодинамики сферы образования в современном российском обществе / Ред. М.Б. Бергельсон. М., 2000. С. 11.

[2] См.: *Молчанов И.Н.* Динамика современного высшего образования. С.62.

[3] См.: Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. М., 1999.

[4] См.: *Иноземцев В.Л.* Информационная экономика и трансформация собственности //Финансист. 2000. №7. С. 49–51

[5] *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 53.

лявшим познавательные и исследовательские практики модерна, – факт, открытие, исследование, компетентность – симулируется.

Аналогичные явления характерны для сферы образования. Социологические опросы свидетельствуют о престиже высшего образования и неуклонном росте спроса на него. Однако оборотной стороной этого феномена является характерное для постмодернизма его вырождение, симуляция. Как отмечают создатели компании «NewDiplom.ru», в российских организациях стал модным европейский принцип брать на работу сотрудников, имеющих «корочку» о высшем образовании. Это вынуждает специалистов со стажем идти на очно-заочные, вечерние отделения российских вузов, платить деньги и терять время, чтобы получить «корочки», а не сами знания. Поскольку модная тенденция далеко не всегда обоснована реальными потребностями производства и функциональными требованиями к исполнению должностных обязанностей, то компания предлагает более простое решение – купить диплом. Диплом можно легко заказать по Интернету. Неудивительно, что в связи с этим возрастает коррупция вузов, организующих подпольную торговлю фальшивыми дипломами и совершающих другие преступления на этой почве.

Проникновение в социальную реальность симулякров и виртуальных сущностей активно способствует ее дематериализации. Если в прежнее время реальные ценности (материальные продукты) были замещены в обращении всеобщими эквивалентами (золотом и серебром), которые затем были заменены символическими (деньгами, бумагой), то теперь и бумага отживает свой век. Капитал постепенно переходит из вещественно-материальной формы продукции в бумажную, которая символизирует материальное обеспечение; далее – в бумагу, символизирующую символы в сознании непрерывно меняющихся работников, и наконец, в электронные импульсы, символизирующие бумагу.

В 1990 г. в мире насчитывалось 187 млн обладателей кредитных карт Visa, которые пользовались ими в 6,5 млн магазинов, автозаправок, ресторанов и т. д. Ежедневно с их помощью оплачивались счета на 570 млн долл. При этом Visa – только один из видов кредитных карт. Эти данные, приводимые Тоффлером, уже давно устарели. Кредитные карты не только получили широкое распространение в нашей повседневной жизни, но и усовершенствовались. Новая их модификация – смарт-карта, которая позволяет осуществлять перевод денег со счета непосредственно в момент считывания номера карточки через кассовый аппарат. Другой пример символизации – «параденьги» – карточки предоплаты, запас которых уменьшается по мере их использования. Чаще всего они используются телефонными компаниями и Интернет-провайдерами.

В России рынок банковских карт демонстрирует динамичный рост по всем показателям: с 2001 г. их количество выросло в 4,5 раза и к концу 2005 г. превысило 47,245 млн шт. Операций с использованием карт совершено более 219 млн на общую сумму около 737 млрд рублей. Из них операции по снятию наличных составляют 84,4% против 16,6% операций по оплате покупок товаров и услуг. По суммарному финансовому обороту это соотношение – 93% против 7%. Растет количество предприятий торговли и услуг, принимающих к оплате платежные карты, пунктов выдачи наличных, банкоматов.

Финансово-экономические операции современного мира активно осваивают виртуальное пространство. Так, торговые операции в сети Интернет только в 1994 г. принесли доход, равный 240 млн долл., в 1995 г. – 350 млн, и достижение рубежа в 1 млрд прогнозировалось на 1997 г. В «мировой паутине» уже функционируют виртуальные супермаркеты и виртуальные банки, оперирующие собственной виртуальной валютой.

Подобного рода изменения характерны практически для всех сфер жизни современного общества, трансформируя его облик и природу.